Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 67–76.
Magistra Vitae. 2026;11(2):67-76.

Научная статья

УДК 94(44) «1942/1944»

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-67-76

Оккупированная Франция в годы Второй мировой войны: Франция и французская культура в дневниках Эрнста Юнгера

Сергей Викторович Артамошин

Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского, Брянск, Россия, artamoshinsv@mail.ru,

Аннотация. Предметом исследования стал анализ восприятия оккупированной Франции и непосредственно Парижа в дневнике немецкого писателя и консервативного мыслителя Эрнста Юнгера, который проходил службу капитаном вермахта в штабе оккупационных германских войск в Париже в годы Второй мировой войны. Отражение мира германской оккупации в его дневниках представляют собой наблюдения германского аналитика за трансформациями повседневной практики французов и вторжения в их мир войны. В статье рассматриваются культурные контакты Э. Юнгера с деятелями французской культуры. Исследуется система коммуникационных связей, нацеленная на установление и развитие германо-французского диалога в годы оккупации через комплекс личных контактов и знакомств Э. Юнгера с французскими писателями и художниками. Дневники Э. Юнгера позволяют изучить практику нацистской администрации в годы войны, что нашло отражение в фактах политики депортации французских евреев. Важным элементом нацистской политики являлось применение широких репрессивных мер, направленных на предотвращение террористических актов против отдельных немецких военнослужащих. Курс нацистского руководства в данном вопросе предусматривал использование практики заложничества как средства сдерживания активности сил французского Сопротивления. Э. Юнгер отмечал ошибочность и неэффективность нацистского террора против французского гражданского населения, который приводил лишь к дальнейшему обострению отношения населения к немецким оккупационным силам. Анализируется взгляд немецкого офицера на изменение поведения французов в оккупированном Париже в процессе германской оккупации, отмечается его стремление продемонстрировать нюансировку проводимой политики со стороны немецкой военной администрации и органов СС и немецкого посольства во главе с О. Абецем. Особое место занимают авторские наблюдения за изменением военной обстановки и отражением этого на практике деятельности военной администрации во Франции. Данные изменения способствовали группированию вокруг немецкого оккупационного штаба офицеров, принявших участие в заговоре 20 июля 1944 г. против А. Гитлера. Отмечается степень отношения Э. Юнгера к заговору и его участие в нём.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Вторая мировая война, оккупация Франции, французские деятели культуры в годы оккупации

Для цитирования: Артамошин С. В. Оккупированная Франция в годы Второй мировой войны: Франция и французская культура в дневниках Эрнста Юнгера // Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 67–76. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/46-magistra-vitae-2-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-67-76

© Артамошин С. В., 2026

Original article

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-67-76

Occupied France during World War II: France and French culture in the diaries of Ernst Junger

Sergey V. Artamoshin

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia, artamoshinsv@mail.ru,

Abstract. The study analyzes how occupied France and Paris itself was perceived in the diary of the German writer and conservative thinker Ernst Junger, who served as captain of the Wehrmacht at the headquarters of the occupying German troops in Paris during the Second World War. The reflection of the German occupation appears to be the observations of the German analyst on the transformations of the French daily life and the war entering the society. The article examines the cultural contacts of E. Junger with the French culture representatives. The work investigates a system of communication connections, aimed at establishing and developing German-French dialogue during the years of occupation through a complex of personal contacts and acquaintances of E. Junger with French writers and artists. E. Junger's diaries allow us to reflect the practice of the Nazi administration during the war years, which was reflected in the policy of French Jews deportation. The article analyzes the German officer's view of the change in the French behavior in occupied Paris during the German occupation and notes his desire to demonstrate the nuance of the policy pursued by the German military administration and the SS bodies and the German embassy headed by O. Abetz. The author's observes the change in the military situation and how it is reflected in the activities of the military administration in France. These changes contributed to the grouping around the German occupation headquarters of groups of officers who took part in the conspiracy on July 20, 1944 against A. Hitler. The work notes the degree of E. Junger's involvement to conspiracy.

Keywords: Ernst Junger, World War II, occupation of France, French culture representatives during the years of occupation

For citation: Artamoshin SV. Occupied France during World War II: France and French culture in the diaries of Ernst Junger. *Magistra Vitae*. 2026;11(2):67-76. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/46-magistra-vitae-2-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-67-76

Введение

Военные дневники Эрнста Юнгера представляют собой пласт воспоминаний и одновременно размышлений о событиях военной поры. Особенностью его творческой манеры выступало умение производить стереоскопический взгляд на историческое время, в котором он жил. Умение и склонность к широкому пониманию действительности, глубокая философская рефлексия являются отличительными чертами его творчества. Комплекс дневников Второй мировой войны, в которой он участвовал с 1939 г. по конец 1944 г., представляет не только панораму военных событий, но и комплексы встреч, портретов людей, с которыми ему удалось познакомиться и сблизиться за эти годы. Интеллектуальный интерес к французской культуре позволил ему в условиях штабной службы в Париже лично познакомиться с многими её деятелями, которые были готовы к сохранению франко-германского культурного диалога.

Участвуя во французской кампании 1940 г. в частях второго эшелона, Э. Юнгер в конце весны 1941 г. стараниями начальника штаба полковника Х. Шпейделя был переведён из боевого подразделения в штаб оккупационных войск в Париж. Х. Шпейдель отправил запрос о переводе в главнокомандование вермахта и получил предупреждение от армейского управления кадров о политической неоднозначности фигуры Э. Юнгера, но настоял на своём. 14 июня Э. Юнгеру было сообщено о его переводе в Париж, в штаб военного командующего во Франции в качестве офицера для особых поручений начальника штаба полковника Х. Шпейделя. 24 июня 1941 г. Э. Юнгер прибыл в Париж и разместился в роскошном отеле «Рафаэль», который находился недалеко от его места службы в отеле «Мажестик». Ранее это здание, построенное в стиле модерн, занимало французское министерство вооружений, а теперь в нём располагался штаб немецких оккупационных войск [Kiesel, 2001, p. 498].

Оккупированная Франция в дневниках Э. Юнгера

Париж вызывал у Э. Юнгера радостные чувства, близкие к эйфории, не только видами своей

архитектуры и духом города, но и знакомствами и общением с французскими интеллектуалами и деятелями искусства[1]. Париж представлял собой не только средоточение культуры, но и с точки зрения военной, был достаточно безопасным местом, на фоне того, что 22 июня началась германо-советская война. Это ощущение он испытал ещё в мае. «Мысль Грюнингера, моего одарённого читателя и, пожалуй, ученика, что пребывание в Париже для меня — самое лучшее из всего, чем я занимался прежде. Пожалуй, этот город на самом деле таит в себе не только особые дары, но также источники труда и деятельности. В каком-то теперь, быть может, даже более важном смысле он всё ещё остаётся хранилищем, символом и цитаделью унаследованных от прошлого жизненной высоты и связующих идей, которых ныне так не хватает нациям. Может, я правильно поступил, использовав возможность обрести здесь почву под ногами. Впрочем, она возникла сама собой, без моего участия»[2]. Э. Юнгер ощущал Париж как сердцевину европейской культуры, в которой прошлое превалирует над современностью. «Этот город для меня — вторая духовная родина, он всё больше становится воплощением всего, что мне дорого и мило в старой культуре»[3]. Жизнь в Париже настолько плодотворно влияла на него, что он называл этот город «оазисом среди мира уничтожения». Повседневная жизнь сохраняла элементы довоенной, позволяя ему вести жизнь денди, с подчёркнутым аристократизмом, хладнокровием, манерностью отношения к миру, проявлялась в эстетствующей дистанции от реальности, позволяющей забыть то, что шла беспощадная война. Прелестное очарование Парижа позволяло ощутить, что «сама прогулка по обоим берегам Сены в своём роде совершенство; время течёт здесь спокойно. Нигде она не бывает лучше, чем здесь».

Благодаря переводу в Париж, Э. Юнгер смог окунуться в разнообразное интеллектуальное общение с французскими литераторами и деятелями искусства, ближе познакомиться с Парижем, его улицами, домами, книжными магазинами, в которых он находил свои сокровища. В целом, он отмечал благорасположение французов и их радушие, в котором с конца 1941 г. стали проступать и ростки ненависти. Это было связано с набирающим обороты движением Сопротивления и серией террористических актов, на которые оккупационные власти отвечали волной репрессий и расстрелами заложников. Это настолько бросалось в глаза, что Э. Юнгер 18 августа 1942 г. занёс это в дневник: «В бумажном магазине на авеню Ваграм купил записную книжку; я в мундире. Мне бросилось в глаза выражение лица обслуживавшей меня девушки, следящей за мной с невероятной ненавистью. Светло-голубые глаза, зрачки которых сузились до точек, откровенно вонзились в меня с той страстью, с какой скорпион вонзает жало в свою добычу. Я ощущал, что ранее нечто подобное было невозможно. По мостам этих лучей к нам ничего не сойдёт, кроме уничтожения и смерти. Они перекинутся на нас, как вирус болезни или искра, которую не загасить внутри себя никакими усилиями»[4].

Э. Юнгер и французские интеллектуалы. В период службы в Париже Э. Юнгер знакомится с рядом деятелей французской культуры, причём, если круг общения с немецкими офицерами в основном концентрировался в отеле «Мажестик», то контакты с французами проходили в салоне де Бринона, который поддерживала его жена, богатая еврейка; де Бринон занимал пост официального представителя правительства Виши при немецком военном командующем, став последним председателем Совета министров правительства Виши в 1944–1945 гг. и казнённый через повешение в 1947 г. Вторым местом был салон супруги миллионера Флоранс Гульд, в котором собирались литераторы. Также на вечерах Немецкого института в Париже, организованных немецким посольством, он познакомился с Луи-Фердинандом Селином. Однако наибольшее количество знакомств он завёл у де Бринона. Число его парижских знакомых было обширным: издатель Гатон де Галлимар, писатели Жак де Бенуа-Мешен, Жан Кокто, Пьер Дриё ла Рошель, Альфред Фабр-Люк, Марсель Жуандо, Поль Фирльен Валантен, Леото Анри Мийон де Монтерлан, Жан Полан, Поль Моран [Kiesel, 2001, p. 504]. После нескольких официальных встреч Э. Юнгер посетил мастерскую Пабло Пикассо. «Он живёт в обширном здании, чьи этажи служат ныне складскими помещениями. <…> Когда я позвонил, мне открыл невысокий мужчина в обычном рабочем халате — сам Пикассо. Как-то раз я уже встречал его, и вновь он мне показался магом. Это впечатление ещё более усиливалось острой зелёной

[1] Юнгер Э. Первый Парижский дневник // Юнгер Э. Излучения. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 37. (Запись от 14.06.1941).

[2] Там же. С. 31–32. (Запись от 30.05.1941).

[3] Там же. С. 180. (Запись от 18.09.1942).

[4] Там же. С. 164–165. (Запись от 18.08.1942).

шапочкой, бывшей у него на голове и в тот раз»[5]. У Моранов Э. Юнгер встречался с Ж. де Бенуа-Мешеном, солдатом и писателем, что так их сближало, к тому же консервативных взглядов, с которым он смог обсуждать современные проблемы Франции. «Бенуа-Мешен говорил о вербовке шестисот пятидесяти тысяч рабочих, которых Германия требует у Франции, о связанных с этим возможностях и убытках. Среди прочих он назвал усилившуюся опасность катастроф, которую несёт с собой такая масса, о чисто технической надобности разобщения людей для Центральной Европы, опасных и для Франции, хотя бы в силу их соседства»[6]. 9 сентября 1944 г. Э. Юнгер внёс ошибочную запись о том, что «Бенуа-Мешена застрелили в Париже террористы»[7], что не соответствовало действительности. Он был арестован и приговорён к смертной казни, заменённой в 1947 г. на пожизненное заключение. Освобождённый в связи с сокращением срока заключения в 1954 г., он написал серию исторических сочинений и скончался в 1983 г.

Знакомство с П. Дриё ла Рошелем вернуло Э. Юнгера в молодость, во времена Великой войны. Оказалось, что в своё время они сидели в траншеях напротив друг друга. Он записал, что с ним в 1915 г. даже находились в перестрелке. «Это было у Ле-Года, в том числе, где погиб Германн Лёнс. Дриё тоже вспомнил колокол, отбивавший часы; мы оба его слышали. И при этом купленные писаки, субъекты, которых голыми руками не возьмёшь. Всё это тушится в рагу из любопытства, ненависти и страха, и на лбу у некоторых уже проступает стигмат ужасной смерти. Я вступаю в стадию, когда вид нигилистов для меня физически непереносим»[8]. Общение с Дриё ла Рошелем опиралось не только на воспоминания, но и подпитывалось интересом к французской литературе, так как тот был также издателем «Нового французского обозрения». Так, они обсуждали творчество А. Мальро, писателя левых взглядов, «за публикациями которого я слежу, с тех пор как несколько лет назад тому назад мне попал в руки его роман <La Condition humaine> («Удел человеческий» — франц.). Я считаю его одним из тех редких наблюдателей, кто обладает верным глазом на панораму гражданских войн в XX веке»[9]. Трагической является финальная запись, посвящённая ему, обнажающая в трагедии отдельного человека крушение германо-французского культурного диалога: «После полудня проездом из Амстердама в Дрезден д-р Гёпель. Он сказал, что Дриё ла Рошель застрелился в Париже. По-видимому, существует закон, согласно которому те, кто из добрых побуждений старался поддержать дружбу между народами, должны погибнуть, в то время как подлецы и деляги дёшево отделались. Монтерлана тоже преследуют. Он ещё не потерял веры, что рыцарская дружба возможна, и нынче чистильщики сапог учат его уму-разуму»[10].

Аналогичной трагедией стала судьба его друга Медана, отличающаяся лишь деталью. В записи от 1 августа 1944 г. он отмечал: «Вечером у д-ра Эптинга; от него узнал, что Медан убит в Э. Вот и он стал жертвой ненависти, растущей с каждым днём. Единственным его преступлением было то, что дружбу между обоими народами он считал вполне возможной. С этим чувством он обнимал меня уже в 1930-м, когда я увидел его в первый и единственный раз в жизни. В первую мировую мы оба командовали ударными соединениями. <…> В первую мировую мои друзья погибали от снарядов, во вторую — это стало преимуществом счастливцев. Остальные гибнут в тюрьмах, накладывают на себя руки или погибают от руки палача. В пуле им отказано»[11]. Спустя тридцать лет в письме Анри Пляру Э. Юнгер вновь поднял проблему германо-французского сотрудничества периода войны, где в качестве примера привёл судьбу Медана: «Меня удивила Ваша суровость в отношении коллаборационистов — удивила потому, что я давно восхищался Вашей способностью разбираться в людях и ситуациях. Как сопротивление, так и сотрудничество имеет свои светлые и свои тёмные стороны; история Résistance (Движения Сопротивления — С. А.) включает множество умышленных убийств, в том числе людей невинных; я вспоминаю своего друга Медана, которому именно эта дружба стоила жизни»[12].

[5] Юнгер Э. Первый Парижский дневник… С. 145. (Запись от 22.07.1942).

[6] Там же. С. 171. (Запись от 08.09.1942).

[7] Юнгер Э. Кирххорстские листки // Юнгер Э. Излучения. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 628. (Запись от 09.09.1944).

[8] Юнгер Э. Второй Парижский дневник // Юнгер Э. Излучения. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 499. (Запись от 16.11.1943).

[9] Юнгер Э. Первый Парижский дневник… С. 46. (Запись от 11.10.1941).

[10] Юнгер Э. Кирххорстские листки… С. 628. (Запись от 07.09.1944).

[11] Юнгер Э. Второй Парижский дневник… С. 613–614. (Запись от 01.08.1944).

[12] Юнгер Э. Семьдесят минуло: дневники 1971–1980 / Пер. с нем. М.: AdMarginem, 2015. С. 295. (Запись от 19.09.1975).

Достаточно часто Э. Юнгер встречался с писателем и драматургом Жаном Кокто. Их контакты развивались в русле обсуждения вопросов культуры, а также знакомства с французской литературой. Зная интерес Э. Юнгера к сюжетам использования наркотиков, Ж. Кокто предложил ему для чтения книгу Буассьера «Курение опиума». Ж. Кокто был симпатичен Э. Юнгеру. «Кокто симпатичен и в то же время выглядит страдающим, словно пребывает в каком-то отдельном аду, впрочем, вполне комфортабельном»[13]. «Кокто, любезный, страдающий, ироничный, деликатный. Жаловался, что саботируют его пьесы, швыряют на сцену бомбы со слезоточивым газом, пускают крыс»[14].

Париж имел репутацию города любви, и Э. Юнгер не избежал этого. На страницах дневника мелькают девушки, составлявшие компанию офицерам в казино, с которыми Э. Юнгер общался. Конечно, он избегает упоминания о каком-то сексуальном развитии знакомства, но бросается в глаза его стремление искать подобные знакомства. С осени 1941 г. у Э. Юнгера установились любовные отношения с Софи Раву. Софи Раву, урождённая Кох, родилась в 1906 г. в немецко-еврейской семье в Магдебурге. По образованию она была врач-педиатр. После прихода нацистов к власти и первых антиеврейских акций, она бежала в Париж, где в 1938 г. вышла замуж за лотарингского журналиста Поля Раву, который после перемирия 1940 г. работал сотрудником пресс-службы французского правительства. В дневниках Э. Юнгера она скрывается под разными именами: «докторессы», Шармаль, Камиллы, мадам Данкар и мадам д`Армаволь. Их отношения начались поздней осенью 1941 г. до юнгеровской поездки на Кавказ, а с весны 1943 г. до его отъезда из Парижа в августе 1944 г., т.е. фактически весь период его нахождения в Париже. Его жена Грета Юнгер узнала о сексуальной связи своего мужа перед его командировкой на Кавказ. Грета в письме Рудольфу Шлихтеру от 4 апреля 1943 г. отмечает, что ей придётся пережить «тяжкое испытание», связанное с Эрнстом. Два года пребывания в Париже подобно жизни под «вавилонскими обломками», изменили его природу. Французы не только оказали воздействие в целом на его жизненную субстанцию, но и заразили внутренним декадансом. Она отмечала, что в феврале Эрнст снова вернулся в «Вавилон», имея в виду Париж, и это вызывало её беспокойство и приносило ей боль[15]. Сложно что-то говорить определённое о динамике отношений между ними, кроме того, что они были, и их прекращение во многом определялось вмешательством Греты Юнгер, и с весны 1943 г. они пошли на спад. Тем не менее, пока Э. Юнгер находился в Париже, их отношения сохранялись.

Оккупационная политика

По долгу службы капитан Э. Юнгер занимался анализом информации об антигерманских действиях французского Сопротивления в Париже и окрестностях, в частности через его руки проходили предсмертные письма французских заложников, расстрелянных немцами в ответ на убийства немецких военнослужащих [см. подробнее: Артамошин, 2023, с. 156–167]. В Парижских дневниках Э. Юнгер фиксирует ещё одну тему, связанную с нацистскими преступлениями — проведение еврейской политики во Франции. Фрагментарность эпизодов, зафиксированных в дневниках, была обусловлена как его стремлением к фиксации событий, так и желанием подмечать преступления «лемуров» как линию противопоставления армии и партии в оккупированной Франции, темой, которой он занимался по долгу службы. Также нельзя исключать влияние Софи Раву, для которой еврейский вопрос был личным вопросом в силу её происхождения и который она вполне могла затрагивать в разговорах с Э. Юнгером. Далеко не всегда Э. Юнгер указывал напрямую на убийства евреев, используя нейтральное понятие. Так, в записи от 30 марта 1942 г. о рассказе Клауса Валентинера, который поведал «о жутком поддонке, бывшем учителе рисования, за кем тянулась зловещая слава руководителя команды убийц в Литве и других приграничных районах, ими было уничтожено бесчисленное множество людей. Согнав жертвы, их заставляли выкапывать массовые могилы и укладываться туда, затем расстреливали их слоями. До этого их обирали, оставляя на теле только рубахи»[16]. Здесь Э. Юнгер избежал указания на то, что это были евреи, возможно по тому, что рассказчик сам не идентифицировал жертв расстрелов. Личное столкновение Э. Юнгера с реализацией еврейской

[13] Юнгер Э. Первый Парижский дневник… С. 62. (Запись от 23.11.1941).

[14] Там же. С. 76. (Запись от 10.01.1942).

[15] Ernst Jünger — Rudolf Schlichter. Briefwechsel 1935–1955, hrsg., komment. Und mit einem Nachwort v. D. Heiβerer. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. p. 207–208. (Письмо Г. Юнгер Р. Шлихтеру от 04.04.1943).

[16] Юнгер Э. Первый Парижский дневник… С. 115. (Запись от 30.03.1942).

политики можно отнести к июню 1942 г. «На рю Руаль я первый раз в жизни увидел жёлтую звезду, её носили проходившие мимо три девушки, держащиеся за руки. Эти знаки раздали вчера; днём я встречал эту звезду всё чаще. Такая дата врезается в историю отдельного человека. Это зрелище не может остаться без последствий — я стыжусь своего мундира»[17].

Эта запись имеет несколько информационных слоёв. С одной стороны, её можно понимать как зарисовку повседневности, в которой автор негодует на введение во Франции обязательного ношения евреями звезды Давида на одежде как отличительного знака. С другой стороны, отмечал, что увидел жёлтую звезду на одежде евреев впервые, имея в виду Францию, так как вряд ли этот знак был ему неизвестным, так как в Германии он должен был с ним сталкиваться; следует отметить, что в записях Э. Юнгера не встречаются по этому поводу какие-либо критические комментарии. Также и с его указанием на то, что он стыдится своего мундира можно понимать буквально, что ему стыдно за то, что он офицер вермахта, однако это не означает его отождествления принадлежности к офицерскому корпусу и национальности, он не отмечает, что ему стыдно, что он немец; таким образом, буквальное понимание не объясняет, почему он стыдился мундира. Вполне возможно, что он чувствовал для себя определённое неудобство в связи с тем, что он прогуливался по улицам Парижа со своей подругой Софи Раву, которая, как еврейка, должна была носить жёлтую звезду Давида. Поэтому общество офицера вермахта и девушки со звездой на одежде было вызывающим. То, что элемент возмущения не был определяющим для Э. Юнгера, видно по его отношению акции солидарности французских студентов. «Днём в Багателе. Шармиль (Софи Раву — С. А.) рассказала мне там, что на днях арестовали студентов, нацепивших жёлтые звезды с разными надписями, вроде <идеалист> и тому подобное, чтобы демонстративно пройти с ними по Елисейским полям. Они предполагают в противнике чувство юмора. Они похожи на детей, которые плещутся, махая флажками, в водах, где плавают акулы. Они метят себя»[18].

В стремлении к фиксации происходящего Э. Юнгер больше внимания обращал на разрушительное воздействие техники, ярким воплощением чего выступали авиационные налёты британской авиации на города. В них воплощается новая беспощадность войны, перед которой предстаёт беспомощность человека. Так, 4 марта 1942 г. он записал о британском налёте на Париж: «Ночной налёт, особенно досталось заводам Рено; к вечеру выяснилось, что он обошёлся в 500 убитых, в основном это были рабочие. Десять немецких солдат были смертельно ранены, в госпиталях лежат свыше тысячи пострадавших. Хотя разрушило большие фабрики и 200 квартир, из нашего квартала всё происходящее выглядело, как сценическая подсветка в театре теней»[19]. Проявляющееся здесь дистанцирование от трагедии во многом было следствием того, что Э. Юнгер оказывался в стороне от бедствия и наблюдал его в безопасности. Это определяло тональность изложения, отсутствие в нём чувственного сопереживания и склонность к холодной фиксации происходящего. Это подход достиг кульминации в записи от 27 мая 1944 г.: «Воздушные тревоги, налёты. С крыши „Рафаэля“ я дважды видел, как в направлении Сен-Жермен поднимались мощные облака взрывов, а эскадрильи на большой высоте удалялись. Их мишенью были мосты через реку. Способ и последовательность направленных против их продвижения мероприятий указывают на чью-то умную голову. Во время второго налёта, при заходе солнца, я держал в руке бокал бургундского, в котором плавала клубника. Город со своими красными башнями и куполами был окутан чудным великолепием, подобно чашечке, для смертельного оплодотворения облепленной насекомыми. Всё было спектаклем, явлением силы как таковой — утверждённой и возвышенной страданием»[20]. Подобное эстетическое восприятие приближающейся смерти с бокалом бургундского в руках стало настолько удобным объектом критических обвинений в аморальности и варварском эстетизме, что превращало автора в бесчувственного наблюдателя убийств. Германский исследователь Х. Кизель считал, что «не следует ли здесь говорить, подобно Томасу Манну, о „гнусном эстетизме“, который из интереса к эстетической сенсации при восприятии и изображении происходящего наполненные страданием или даже катастрофические события показывает без какого-либо сочувствия к ближнему» [Kiesel, 2001, p. 518].

На фоне чудовищной дегуманизации войны, её смешения с террором политического и расового

[17] Юнгер Э. Первый Парижский дневник… С. 129. (Запись от 07.06.1942).

[18] Там же. С. 130. (Запись от 14.06.1942).

[19] Там же. С. 105. (Запись от 04.03.1942).

[20] Юнгер Э. Второй Парижский дневник… С. 590. (Запись от 27.05.1944).

характера, Э. Юнгер обратился к углублённому, неторопливому чтению Библии. В ней он нашёл основу и бастион против разрушительной нигилистической волны современности. Уже 11 марта 1942 г. он отмечал необходимость основательного изучения теологической литературы. «Когда наступят мирные времена, я намерен по-новому организовать своё чтение, сделав теологию его основой»[21]. Рационализм, научное знание и нигилизм создали плотину, отделившую человека от Бога. Секуляризация сознания и повседневной жизни довершили начатое. Нигилистический разгул жестокости стал следствием этого процесса. «Бог ушёл», — писал Леон Блуа. «Бог мёртв», — констатировал Ницше. Путь к Богу сталь уделом немногих. 7 марта 1943 г. Э. Юнгер отмечал: «Путь к Богу в наше время чудовищно далёк, словно человек заблудился в безграничных пространствах, изобретённых Его гением. Поэтому даже самое скромное приближение к Богу — уже великая заслуга. Нужно научиться воспринимать Бога заново. <…> Но даже высочайшей аскезе, какой он (человек — С. А.) подвергнет себя, суждено свершиться в атеистическом, обезбоженном пространстве, более страшном, чем просто безбожное. И вот однажды, через годы, случится так, что Бог ему ответит, — либо медленно к нему приближаясь, как бы прокладывая себе путь духовными щупальцами, либо являясь во вспышке молнии. Мы посылали свои искры на неподвижную звезду, а она оказалась обитаемой»[22].

К изучению Библии Э. Юнгер подошёл с должной основательностью и этот период занял у него несколько лет. Наверно, ещё никогда он не погружался так долго в текст, и он не становился для него предметом размышлений о себе и окружающем мире, став спасительным в ситуации медленного погружения в трясину войны. Закончив чтение в мае 1944 г., он подчеркнул значимость этого опыта: «После завтрака закончил Откровение, завершив тем самым первое цельное прочтение Библии, начатое 3 сентября 1941 года. До этого я читал только отдельные части, среди них и Новый Завет. Эти усилия я ставлю себе в заслугу, особенно потому, что они зиждутся на самостоятельном выборе и должны были сломить некоторое сопротивление. Моё воспитание шло в противоположном русле; с ранней юности моё мышление определялось педантичным реализмом и позитивизмом моего отца. Этому способствовал и каждый учитель, имевший на меня влияние. Учителя Закона Божия были большей частью скучны; слушая некоторых, я испытывал чувство, что их смущает сам материал. Холле, наиболее умный из них, высказал догадку, что явление Христа на водах следует объяснить оптическим обманом, — та местность славится своими туманами. Наиболее интеллигентные приятели, книги, которые я ценил, были настроены на тот же лад. Была некая необходимость в прохождении такого курса, и следы его навсегда останутся во мне. Прежде всего потребность в логическом доказательстве — я имею в виду не доказательность, а свидетельство и близость разума, должного присутствовать во всём»[23]. Этот неожиданный поворот к религии стал этапом последующего преодоления нигилизма. Однако нельзя утверждать о том, что религиозное мышление вытеснило естественно-научное и тем более стало доминировать в его творчестве.

Служба в Париже была достаточно комфортной и безопасной. Угроза жизни могла исходить от террористических ударов французского Сопротивления, а психологический дискомфорт выражался во всё возрастающей ненависти к немецкому мундиру. Постепенно эхо войны стало доходить и до Франции. Э. Юнгер в традиционной для себя манере фиксировал события, которые с 1943 г. становились всё более тревожными. Появление британских войск в Европе стало первым звонком изменения ситуации на фронтах, усиливая угрозу германским войскам. 10 июля 1943 г. он записал, что «день запомнился, поскольку англичане высадились в Сицилии. Это первое прикосновение Европы докатилось и до нас; мы вступили в фазу повышенной боевой готовности»[24]. На следующие сутки он отметил, что «высадка удалась; остаётся ждать, приведёт ли она к сооружению плацдармов. В целом исход этих боев считают прогнозом для исхода окончательного; Сицилия снова играет свою прежнюю роль стрелки на весах двух континентов, как это уже было в период Пунических войн»[25]. Стремительное развитие событий в Италии приобрело обоюдный характер. 4 августа 1943 г. он записал, что «объявили об отречении Муссолини. Ещё до рассвета отряды сжигали его портреты. Хотя иного я и не ждал, всё же удивительно, как бесславно,

[21] Юнгер Э. Первый Парижский дневник… С. 111. (Запись от 11.03.1942).

[22] Юнгер Э. Второй Парижский дневник… С. 359. (Запись от 07.05.1943).

[23] Там же. С. 590–591. (Запись от 28.05.1944).

[24] Там же. С. 394. (Запись от 10.07.1943).

[25] Там же. С. 395. (Запись от 11.07.1943).

беззвучно и безгласно подобная диктатура, построенная на страхе, переходит в ничто»[26]. Падение Б. Муссолини и последующий его арест создавали критическую ситуацию на южной фазе европейского фронта, что не могло быть проигнорировано Германией. Уже 13 сентября он заметил, что «утром пришло сообщение, что Муссолини освобождён немецкими отрядами парашютистов»[27].

– Уже с конца весны 1944 г. ситуация во Франции стала резко меняться. В воздухе витало ощущение ожидаемого вторжения англо-американских сил, угроза которого становилась всё отчётливее. Германское командование понимало всю степень риска и разумно полагало, что германский шанс сохранить положение возможен только при недопущении закрепления противника на суше. 8 мая 1944 г. Э. Юнгер отметил поездку Э. Роммеля по Атлантическому побережью, в которой «в стремлении увидеть всех бойцов перед акцией скрывается античная черта. Маршал хочет воевать за побережье: „противник должен погибнуть на воде. Этим вызвана и предпринятая им концентрация резервов. Высадка занимает все умы; и немецкое руководство, и французы считают, что это произойдёт в ближайшие дни. <…> Они могут угрожать переговорами. Но им препятствует существование Кньеболо: пока он у дел, он играет роль скрипки для любой направленной против Германии коалиции. Он принадлежит к тому сорту людей, кто, по словам Гёте, „восстанавливает против себя универсум“. Называть отчаянным положение Германии пока ещё рано, — но до чего же отвратительно созерцать весь этот спектакль!»[28] Через несколько дней Э. Юнгер и майор Реезе получили задачу осуществления контроля над кавказскими батальонами, расположенными во Франции. Э. Юнгер определял его как «скучное и безрадостное занятие, но техническая сторона его обеспечивается, слава Богу, людьми генерала Нидермайера, специалистами по Востоку. Генерал решил использовать для этого огромные массы военнопленных. <…> Такие формирования совершенно выпадают за рамки принятых норм; без деспотической власти они были бы невозможны. В связи с этим среди офицеров появляются типы нового образца. Сам Нидермайер в высшей степени странен. Во время мировой войны он стал зачинщиком беспорядков то ли в Персии, то ли в Афганистане; помню, как Штапель окрестил его немецким Лоуренсом. На Кавказе я видел его фотографии, где он стоял среди целого сонма азиатов, В нём способности к географии соединились со склонностями этнографическими и стратегическими»[29].

Несмотря на все разговоры о высадке, сама высадка стала полной неожиданностью. Э. Юнгер записал, что «утром об этом стало известно в Париже и многих застало врасплох, в частности Роммеля, коего вчера в Ла-Рош-Гюйоне не было, поскольку он уехал в Германию на день рождения жены. Это — эстетическая ошибка в увертюре такой великой битвы. <…> Можно несомненно говорить о великом наступлении, которое сделает этот день историческим. И всё же я был потрясён, именно потому, что о нём так много пророчествовали»[30]. О роковой неэффективности системы противодействия высадке Э. Юнгер услышал от адмирала В. Руге, который сообщил, что «англичане высадились на отливе, когда все подводные помехи зримо лежали на песке. Сооружения, препятствующие отливу, были запланированы, но их постройка пока не осуществилась»[31].

Высадка в Нормандии кардинальным образом начала менять ситуацию на фронтах, создав новое направление, которое с каждым днём всё расширялось, образуя Западный фронт. Его возникновение образовывало тиски, которые, сжимаясь, сдавливали пространство, приближаясь непосредственно к территории Германии. Э. Юнгер понимал это достаточно отчётливо, не обращая внимания на пропаганду, которая стремилась внушить, что ещё не всё потеряно. 13 июля 1944 г. он записал, что «русские приближаются к Восточной Пруссии, американцы — к Флоренции, в то время как битва на удерживаемой территории продолжает бушевать с большими потерями. Командование, не способное на новые идеи, пытается вселить в население надежду на новое неизвестное оружие. Удивительная полная беспомощность, с какой толпа судит о своём положении, позволяя себя обманывать и впадая в состояние, близкое к эйфории»[32]. Имея близкие контакты с начальником штаба Х. Шпейделем, он обратил внимание на медлительность использования резервов, которая связывалась с вмешательством А. Гитлера в процесс организации контрудара. Это соответствовало действительности в связи

[26] Юнгер Э. Второй Парижский дневник… С. 414–415. (Запись от 04.08.1943).
[27] Там же. С. 455. (Запись от 13.09.1943).
[28] Там же. С. 578–579. (Запись от 08.05.1944).
[29] Там же. С. 580–581. (Запись от 12.05.1944).
[30] Там же. С. 596. (Запись от 06.06.1944).
[31] Там же. С. 602. (Запись от 24.06.1944).
[32] Там же. С. 605. (Запись от 13.07.1944).

с применением танковых корпусов для нанесения встречного удара. Медлительность в этом вопросе действительно оказалась роковой. Отмечая своё посещение Х. Шпейделя 16 июля, Э. Юнгер отмечал, что «он без конца звонил по телефону, поскольку Кньеболо, боявшийся новой высадки, желает распорядиться двумя танковыми корпусами по своему усмотрению, а совсем не так, как того требует ситуация. Различные разговоры, в частности о том, сколько времени понадобится немцам, чтобы спихнуть с себя эту ярмарочную фигуру»[33].

Этот критический выпад против А. Гитлера и разговоры о времени его смещения через четыре дня превратился во взрыв в Ставке Гитлера в Вольфшансе 20 июля 1944 г. Степень причастности Э. Юнгера к заговору — вопрос особый. Здесь же следует отметить воздействие заговора на его службу в Париже. Парижский сегмент заговора после его провала и выявления СД масштаба участия в нём различных людей, привёл к серии арестов и кадровых ротаций на Западном фронте. Однако это нужно совокупно учитывать с процессом расширения фронта англо-американских сил во Франции и тем, что 23 августа 1944 г. их войска вошли в Париж. 3 сентября 1944 г. Э. Юнгер прибыл в Ганновер в ожидании своей дальнейшей судьбы, так как штаб главнокомандующего немецкими войсками в оккупированной Франции был расформирован. 16 сентября он записал: «Я переведён в резерв командования и ожидаю последней стадии событий. Она тоже таит в себе немалые опасности; так, «лемуры» приступили к серии убийств, примеряясь уже к той ситуации, что наступит после их смерти. Они осуществляют некое подобие профилактической мести, жертвами которой стали в том числе вождь коммунистов Тельман и социал-демократ Брейтшейд. Будь они умнее, им можно было бы сказать словами Сенеки: „Скольких бы вы ни уничтожили, ваших последователей среди них не будет“. Остаётся только надеяться, что им скоро придёт конец. Уничтожены также целые кланы померанской аристократии»[34]. Спустя месяц появилось окончательное распоряжение в отношении военной службы, которое до сих пор не имеет чёткого объяснения, во многом прирастая привлекательными романтическими легендами. 20 октября 1944 г. он записал, что «в генеральном командовании узнал, что дано распоряжение о моей отставке. В Берлине, по-видимому, даже торопились, желая избавиться от меня именно таким образом»[35]. Действительно, очень странная отставка офицера, имеющего боевой опыт, нехватка которых на фронте уже ощущалась к тому времени. Звучащий в этих словах некий страх власти перед ним во многом был напускным. Скорее всего, для Э. Юнгера такое решение было в высшей степени непонятным.

Выводы

Военные дневники Э. Юнгера парижского периода сохраняют в себе свидетельства не только нацистской политики, но и культурное взаимодействие между французами и немцами в условиях оккупации как элемент коллаборационистской политики правительства Виши. Его близость к Движению 20 июля 1944 г. выражалась, прежде всего, в личных контактах и критических разговорах, характерных для французского круга отеля «Мажестик», но не был участником сопротивления. Свидетельства Э. Юнгера показывают внутреннюю картину деятельности немецкой оккупационной администрации и векторов её политики.

[33] Юнгер Э. Второй Парижский дневник… С. 607–608. (Запись от 16.07.1944).

[34] Юнгер Э. Кирххорстские листки… С. 628–629. (Запись от 16.09.1944).

[35] Там же. С. 636. (Запись от 20.10.1944).

Список литературы

1. Артамошин С. В. Заложники и нацистские преступления в оккупированной Франции 1941–1942 гг. в свидетельствах Эрнста Юнгера // Французский мир на переломах эпох. Брянск : РИСО БГУ, 2023. С. 156–167.

2. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. München: Pantheon, 2007. 717 p.

References

1. Artamoshin SV. Hostages and Nazi crimes in occupied France 1941–1942 in the testimonies of Ernst Junger. In: Francuzskij mir na perelomah epoh = The French World at the Turning Point of Eras. Bryansk: RISO BSU; 2023. Pp. 156-167. (In Russ.).

2. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. München: Pantheon; 2007. 717 p.

Информация об авторе

С. В. Артамошин — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского.

Information about the author

S. V. Artamoshin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования и принята к публикации 17.05.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing and accepted for publication 17.05.2026.